

ЧЕХОВСКАЯ ОБРАЗНОСТЬ И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В СОВЕТСКУЮ И ПОСТСОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

Г. А. Шалюгин

Пастернак мог видеть в своем докторе Живаго черты гуманных чеховских интеллигентов, Маяковский мог иронизировать над ноющими «дядями ваянями и тетями маньями», мешающими строить новое общество. К Чехову на протяжении XX и XXI столетий обращались не только писатели, театральные деятели, художники и создатели кинофильмов. В чеховском образе иногда обнаруживаются истоки той непримиримости и ожесточения, которое проявились в годы революции, гражданского противостояния в России и на Украине. Русская жизнь была богата событиями самого разного свойства — тут тебе и военный коммунизм, и нэп, и коллективизация, и индустриализация, и война, и перестройка, и развитый социализм, и капитализм — что чеховский многоплановый и амбивалентный образ мог свободно использоваться для утверждения самого широкого спектра мировоззренческих идей и политических построений. Чехов понадобился писателям-идеологам, политикам, общественным деятелям, — и белым, и красным — как для утверждения коммунистической идеи, так и для ее опровержения.

Шалюгин Геннадий Александрович — канд. филолог. наук, Дом-музей А. П. Чехова в Ялте

Очевидно, в чеховском образе сокрыта некоторая особенность, некоторая широта и пластичность образной структуры, которая содержит в себе зародыши чрезвычайного многообразия жизненных ситуаций. И это свойство обеспечивает Чехова в каждую новую эпоху — независимо от того, куда повернется жизнь, — раскрытие все новых и новых потенциалов. Обратимся к примерам.

Федя и Каштанка (Б. Савинков. Конь вороной)

Чеховские мотивы, чеховские аллюзии всплывают в самых неожиданных местах полноводной реки русской словесности. Кто бы мог поверить, что образ незабвенной Каштанки окажется востребованным в напряженной прозе эпохи гражданской войны? Вот повесть Бориса Савинкова (В. Ропшина) «Конь вороной», написанная в 1923 году за границей, по дымящимся следам кровавого красно-белого противостояния. После написания повести писатель-террорист тайком переправился в советскую Россию, чтобы продолжить работу мясника. Подручные Савинкова жгли советские учреждения, расстреливали коммунистов и пограничников, вешали всех без разбора — в том числе и беременную жену начальника заставы. Само перечисление деяний борцов за «белую идею» вызывает отвращение: к примеру, ими был заживо сожжен директор банка Г. Хаймович, брошен в котел с кипящей смолой старик-пастух, заподозренный в сочувствии «бесам-большевикам». Многие эпизоды этого беспредела отражены в повести — оправданием служило то, что большевики творили то же самое.

Вот типичная картинка. Банда «зеленых» во главе с бывшим полковником белой армии взяла городок Ржев.

«— Федя, сколько на площади фонарей? — Не считал, господин полковник.

— Сосчитай. И на каждый фонарь повесь. Понял?

— Понял. Так точно».

Приказ отдает человек, который в своей дневнике запишет:

«Мы выросли в парниках, тюрьмах или «вишневом саду». Для нас книга была откровением. Мы знали Ницше, но не умели отличить озимых от яровых; «спасали» народ, но судили о нем по московским «Ванькам»; «готовили» революцию, но брезгливо отворачивались от крови. Мы были барами, народолюбцами из дворян» (Юность, 1989, №3).

Что это, как не собирательный портрет «чеховского человека» — горячего и наивного интеллигента-народолюбца, поборника прав униженных и оскорбленных, проводника теории «малых дел»? Но какова эволюция!

Есть среди «борцов против Советов» и люди от сохи. Это, прежде всего, персонаж по имени Федя, о котором автор в предисловии говорит, что именно он, «кажется, является главным героем». Федя — настоящий палач и садист: с одинаковым рвением вешает и пленного большевика, и мародера из собственной банды. Надо подпалить бороду старику — палит бороду. Удивительные строки записаны о Феде в дневнике интеллигента-террориста: он настаивает на какой-то особенной «невинности» своего подручного! И — опять-таки проскальзывает в характеристике невинного вешателя нечто чеховское. К примеру, Федя страстно любит животных. «Он

с любовью ухаживает за лошадьми, с любовью доит коров». «Бессловесная тварь ему друг. Он подобрал в деревне щенка, Каштанку, и за пазухой отнес его в лагерь. Щенок крохотный, белый, с желтыми подпалинами и брюхом. Он неуклюже ползает по траве и тычется носом в Федин сапог. Федя, как нянька, берет его на колени. Он вычесывает блох своим гребешком и, вычесав, с мылом его моет». Ну, чисто чеховская, даже тургеневская идиллия!

Через пару страниц читаем, как одного из «зеленых», бывшего матроса Капелюху уличают в краже валюты. Федя и его напарник, такой же вешатель Егоров, тащат Капелюху к березе... А через десять минут Федя, призывая провести еще и показательную порку для устрашения, уже гладит щенка и смеется:

«— У, беззубая... У, животное...». Савинков, может быть, даже неосознанно, но в очень острой, обнаженной форме повторяет чеховский прием изображения персонажа, использованный в «Вишневом саде». Вешатель Федя любит животных, палач Федя любит рисовать... У чеховского Лопухина были тонкие, нежные пальцы — но разве не Лопухин отдает распоряжение рубить вишневый сад?

«Конь вороной» — образ апокалиптический. Их было четыре, этих коней. Один — белый, и всаднику даны лук и венец. Другой — рыжий, и у всадника меч. Третий конь бледный, и всаднику имя смерть. Четвертый — конь вороной, и у всадника мера в руке. Ему дано право судить и мстить за кровь. Полковник находит, что Апокалипсис противоречит заповеди «Не убий». Не убий — это неисполнимая, непосильная заповедь.

Надо мстить. Ибо на той стороне — безбожные «бесы-большевики». А что на этой? Сам автор вопрошает с сомнением: «Разве Егоров выстроит новую жизнь? Разве Федя посеет здоровое семя?» Но Господь, по логике террориста, прогневался только на тех, кто покорствуется «бесам»...

Вспомним, однако, как зовут чеховского мальчишка, друга Каштанки. Вспомнили? Да. Федюшка. Это он привязывал кусочек мяса к нитке, чтобы покормить Каштанку. Собака проглатывала мясо, а потом Федюшка со смехом выдергивал кусок из ее пищевода... Есть в чеховских произведениях и другие Феди — Федоры, Федоры Ивановичи... Едва ли не самое повторяемое имя. Савинков нарочито сводит чеховских персонажей с новой, трагической эпохой. Простодушный Федюшка вырос в Федю-вешателя... И виноваты в этом, конечно, большевики... И в превращении чеховского интеллигента из «вишневого сада» в полковника-террориста — те же причины. А Новый завет (Откровение Иоанна Богослова) стихами о «вороном коне» и «мере в руках» якобы дает право на ответную кровь.

Чехов и Булгаков: «Беззащитное существо»

У М. А. Булгакова выделим публикацию фельетона на евпаторийскую тему в газете «Гудок» (3 января 1924 г.). Можно сказать, это первое прямое обращение писателя к крымской теме. Прочитав его сегодня, мы удивимся, как близки, оказывается, нам те события: учителям и сейчас неохотно платят зарплату! Кроме того, интересно стремление Булгакова к «театральной» форме в таком вроде бы простом деле, как

написание фельетона по обычной жалобе в газету. Тут сильно влияние раннего Чехова: «Беззащитное существо»... «Хамелеон»... «Андрей из пьесы «Три сестры». Водевиль «Юбилей». Стилистика явно чеховская. Об этом никто еще не говорил. В. Мешков, автор книги про Булгакова и Крым, сделал упор на тему «Булгаков и Евпатория», поскольку его задачей было доказать, что Булгаков в 1923 году приезжал в Евпаторию и останавливался у родственников Минаковых. Тема крымских родственников Булгакова внесла интересные обертоны в биографию писателя.

В советское время многое о Булгаковых замалчивалось, в частности, о судьбе тетки писателя Ирины Лукиничны Булгаковой. Недавно энтузиасты «булгаковедения» сумели пролить свет на ее судьбу. В первую мировую войну Ирина Лукинична Булгакова поступает в Российское Общество Красного Креста и работает в его госпиталях фельдшером. К концу 1916 — началу 1917 года И. Л. Булгакова находится в лазарете Красного Креста в Ливадии. Ее подругой была княгиня Наталья Трубецкая (1870–1920), также служившая в лазарете. После прихода в 1920 году Красной Армии они, как и многие другие сотрудники госпиталя, не захотели бросить больных и эвакуироваться с армией Врангеля. Никто не ожидал, какая участь ждет тех, кто честно выполнял долг милосердия. Лазарет перешел под новое командование, и его главной задачей стала не забота о раненых и больных, а «выработка мер для чистки лазарета от контрреволюционного элемента». Партийное руководство составляло списки «лиц из состава лазарета, как из служащих, так равно из больных, которые подлежали удалению». На самом деле

«чистка» заключалась в аресте и скором расстреле попавших в списки. Это и произошло с княгиней Натальей Трубецкой. Расстрельная анкета с резолюцией «Расстрелять. Удрис. 19.XII. <19>20».

По инициативе Ирины Лукиничны группа медработников и больных обратилась в особый отдел с ходатайством: *«Мы, что подписались, сёстры милосердия, правление и члены профсоюза сестёр милосердия Ялтинского района, просим в самое ближайшее время рассмотреть дело члена нашего союза сестры Наталии Трубецкой. Мы, правление союза, знаем сестру Трубецкую с момента её приезда в Ялту, ручаемся своими подписями, что сестра Трубецкая не была причастна ни к какой политической организации, ни при старой, ни при новой власти, а потому убедительно просим т. Коменданта тюрьмы отдать сестру Н. Трубецкую правлению членов профсоюза на поруки».*

В этот же день все шестнадцать подписавшихся, то есть выгораживавших княгиню, врага трудового народа, были арестованы и вскоре расстреляны в Багреевке, возле Исар — районе под Ялтой недалеко от водопада Учан-Су. Среди них 21 декабря 1920 года расстреляна и Ирина Лукинична Булгакова. Так что вполне возможно, именно по этой причине во время поездки на Исары в 1927 году грусть светилась в глазах Булгакова. На это обратил внимание сопровождавший его М. П. Чехов.

В местной и республиканской прессе стали появляться публикации о родственниках Булгакова в Евпатории («Евпаторийская здравница» от 10.07 2002, от 13.07.2004, «Брега Тавриды»

№1 2004 г. и др.). Вот что пишет В. Мешков, автор недавно вышедшей во втором издании книге о Булгакове в Крыму:

... «в начале лета 2004 г. мне позвонила родственница М. А. Булгакова. Это оказалась Любовь Александровна Минакова (урожденная Ткаченко), 1919 г.р., проживающая в Евпатории по адресу ул. Урицкого, 12, кв. 1. Потом я бывал у нее дома, и мы много беседовали... ей хотелось... оставить память о пребывании М. А. Булгакова в Евпатории. К сожалению, никаких документов, подтверждающих это, у нее не сохранилось.

Из воспоминаний Л. А. Минаковой... выделим следующие факты. Ее бабушка Мария Сергеевна Булгакова была двоюродной сестрой отца М. А. Булгакова. Поэтому, если она не ошибается с отчеством бабушки, которая умерла в 32 года, то ее прадед был Сергей Авраамович, родной брат Ивана Авраамовича, деда семьи Булгаковых по отцу Афанасию Ивановичу. По семейным воспоминаниям, в декабре 1923 г. у них в Евпатории около недели гостил М. А. Булгаков, затем отправился в Каранайман, к местному целителю А. И. Глушко, хорошему знакомому отца Л. А. Минаковой. У целителя он лечил нервы. Плодом визита в Евпаторию, по мнению В. Мешкова, и явился фельетон «Сильнодействующее средство» (1924).

В. Мешков в основном разрабатывал краеведческую тему, и собственно чеховская тема у него прошла стороной. Образная структура рассказа «Сильнодействующее средство» оказалась не осмысленной. А тут суть важная: чтобы создать крымский колорит (а писался фельетон, возможно, без опоры на реальные впечатления — по письму в газету), Булгаков обратился к имени Чехова, который как известно, прожил последние годы именно

в Крыму. Чехов стал своего рода символом Крыма, «знаком» крымского колорита... У Чехова есть несколько вещей, где обыграна тема «беззащитного существа». Сначала — в прозе, потом — перенес эту «беззащитную» даму в водевиль «Юбилей». Булгаков пошел путем чеховского новаторства: перенес тему с сугубо прозаической почвы и создал фельетон (!) в форме одноактной пьесы! Тут можно углядеть своего рода «творческое соревнование» с Чеховым в новом жанровом осмыслении уже использованного приема (образа). Или — использование темы «беззащитного существа» и чеховских стилистических приемов в обрисовке персонажей. Образ «беззащитного существа» обрел черты «совслужащего», учительницы, которая на поверку оказалась отнюдь не беззащитной, потому что в ее защиту выступила советская пресса. Пресса тогда, очевидно, обладала такой же властью, что и нынешняя американская пресса, которая попила кровушки из Трампа...

Как могли развиваться события, предшествующие публикации фельетона? В редакции могли передать Булгакову письмо о злоупотреблениях с выплатой зарплаты учителям, которое пришло в газету, и сказать: «Миша, сделай фельетон!». Что делает он? Первое: придумывает оригинальную оболочку для сюжета в виде одноактной пьесы (что действительно необычно для газетной публикации). Он отталкивается от идеи «беззащитного существа» Чехова — имея в виду, что в советские времена такой защитой от бюрократов стала именно пресса. След чтения «Беззащитного существа» или водевиля «Юбилей» очевидны. Они, вполне возможно, помогают хоть как-то

воссоздать крымский колорит, поскольку именно в Крыму жил в конце жизни Чехов. Второе. Он вспоминает, что в Евпатории живут его родственники, которых кстати можно навестить, если выбить командировку в Крым... Как поступил Булгаков? Ездил ли он в Евпаторию? Никаких документов на сей счет нет: ни писем, ни свидетельств коллег по газете или близких людей — только воспоминания Минаковой. Вполне возможно, что и не был он в Евпатории, поскольку следов какого-либо местного колорита в фельетоне практически нет. Обобщенный образ канцелярского бюрократа, условный интерьер конторы; какие-то персонифицированные черты облика учительницы тоже отсутствуют... Вот как в фельетоне это показано:

«Клавдия Войтенко, учительница неопределенного возраста. В шубке и шапочке, в руках какие-то бумаги.

Крымский культотдельщик, среднего возраста, симпатичный. Одет в рыжий френч и такие же штаны.

Курьер из культотдела, 50 лет.

Сцена представляет кабинет крымского культотдела. Накурено, тесно и паршиво. Одна дверь. На первом плане стол с телефоном и чернильницей. Над столом три плаката: «Если ты пришел к занятому человеку — ты погиб», «Кончил дело — гуляй смело», «Рукопожатия отменяются раз и навсегда». Культотдельщик сидит за столом и задумчиво смотрит в зрительный зал. У двери на стуле курьер. Полдень».

Такой сюжет мог иметь место и в Евпатории, и в Кимрах, и в Пырловке, и всюду на необъятных просторах советской страны. Но открытая ирония по отношению к просительнице, характерная для чеховского текста, у Булгакова снимается:

тут нет намека на то, что беззащитная старушка на самом деле даст фору любой канцелярской крысе. И мы наблюдаем схватку этой приболевшей крысы, изнемогшей от подагры, и весьма бронированного существа. Животное начало подчеркнуто. У Чехова это так: «Что вам угодно? — обратился он к просительнице в допотопном салопе, очень похожей сзади на большого навозного жука».

Появление героини Булгакова прописано почти чеховски:

«Войтенко (*приседает*). Позвольте представиться: учительница школы ликбеза на ст. Евпатория Южных железных дорог Клавдия Войтенко, урожденная Манько.

Культотдельщик. Так-с. Что же вам угодно, урожденная Манько?»

В сущности, единственная привязка к Крыму — чеховские обертоны в репликах персонажей. Во-первых, обращает на себя внимание деталь: при первой публикации «Беззащитного существа» в «Осколках» бедная просительница Щукина приходит именно в ж е л е з н о д о р о ж н у ю контору — ведомство путей сообщения... Это важно, имея в виду, что фельетон предназначался для газеты «Гудок». Это потом она становится Мерчуткиной и заявляется в частный банк.

Поначалу пьеса-фельетон Булгакова развивается в русле чеховских сюжетов. Начальник, пребывающий в праздности, не хочет заниматься делами... совсем как Андрей Прозоров в «Трех сестрах»... У Булгакова зав. культотделом маскируется,

изображает мыслительную деятельность. Курьер идет к столу и кашляет. Пауза. Кашляет.

Культотдельщик (*очнулся*). Уйди, Афанасий, ты мне надоел. (*Задумался.. Курьер снова пытается подступиться:*

Культотдельщик (*рассеянно*). Уйдешь ли ты, Афанасий? (ср: Андрей Прозоров и Ферапонт в «Трех сестрах»: Ферапонт. Бумаги подписать... Андрей (нервно). Отстань от меня! Отстань! (Уходит с колясочкой.)

— Ваше превосходительство, заставьте вечно бога молить, пожалейте меня, сироту, — заплакала Щукина. — Я женщина беззащитная, слабая... Замучилась до смерти... И с жильцами судись, и за мужа хлопочи, и по хозяйству бегай, а тут еще говею и зять без места... ..Всю ночь не спала.

Культотдельщик. Тэк-с. Что же вам угодно, урожденная Манько? (тут невольно вспоминается эпизод из рассказа Чехова «Толстый и тонкий:

«Это вот моя жена, Луиза, урожденная Ванценбах...»

У Булгакова робкая, безликая просительница, не встретив желанья разобраться в ее деле, пускается в слезы — совсем как чеховская Щукина:

Войтенко (*начинает плакать*). С... августа... месяца... сего бегаешь... ходишь... ходишь... ..

Войтенко (*волнуется*). Извольте ли видеть, я еще за август сего года жалованья не получала (ср. обращение к чиновнику чеховского «беззащитного существа»: Извольте ли видеть, ваше превосходительство, — начала скороговоркой просительница...).

Культотдельщик. Прошу вас успокоиться! ...

Войтенко (сквозь бурные рыдания). Я на вас жалобу подам в КаКа.

Культотдельщик (обиделся). П-пожалуйста... Хоть в КаКа, хоть в РеКаКа. Не испугаете!

Чеховский сюжет резко ломается, когда задетое за живое «беззащитное существо» выпускает когти: Что-о? — взвизгнула вдруг Шукина. — Да как вы смеете? Я женщина слабая, беззащитная, я не позволю! Мой муж коллежский асессор! Скважина этакая! Схожу к адвокату Дмитрию Карлычу, так от тебя звания не останется! Троих жильцов засудила, а за твои дерзкие слова ты у меня в ногах навалешься! Я до вашего генерала пойду! ...

Кончается тем, что Шукина получает-таки искомые 24 рубля и с торжеством удаляется, чтобы потом снова продолжить осаду чиновника.

Нечто похожее происходит и в фельетоне Булгакова: Войтенко, отчаявшись получить положенные деньги, пускает в ход самый страшный аргумент: грозит написать в газету «Гудок»! Это возымело страшный эффект: культотдельщик (бледный как смерть). Виноват... Хе-хе. Зачем же так? Э... Спешить? Афанасий!! Стакан воды урожденной Манько. Присядьте, прошу вас. Хе-хе, экая вы горячка!.. Сейчас... Фрр! Фрр! «Гудок»! Афанасий! Сбегай к Марь Ивановне. Скажи, чтоб был список. Со дна моря чтоб его достала.

Курьер (входит). Нашлось. (Протягивает бумагу.)

Культотдельщик (с торжеством). Ну, вот видите, и нашлось. Хе-хе. А вы сейчас плакать... «Гудок»!.. Вот мы вам сейчас резолюцию напишем... Чирк перышком, и готово... Выдать деньги».

Мнимая беззащитность защищенного советской прессой «маленького человека» («сильнодействующее средство») — вот главный нерв, главный мотив фельетона, главная его идеологическая составляющая. А игра с чеховским подтекстом делает сюжет более живым, создает литературную опору для сюжета в лице мастера юмористики Чехова.

Злоумышленник Чонкин

Перечитывая комплект журналов «Юность за 1990 год, где публиковалась вторая часть знаменитого романа Владимира Войновича — «Претендент на престол, или Дальнейшие приключения солдата Ивана Чонкина» (первая публикация — 1979 год), — я в некоторых местах просто покатывался со смеху. Обнаружилось забавное сочетание — чеховский «Злоумышленник» и «Чонкин» Войновича! Разница между их появлением на свет Божий в сто лет, а посмотрите, как они близки! Словно Иван Чонкин — родной брат Дениса Григорьева, попавшегося на отвинчивании гаек с железной дороги. Меняется власть, меняются законы, а русский мужик — неизменен! Все так же чешет в затылке и удивленно вопрошает: «чаво?». Я скомпоновал два описания допроса, и попробуйте разобраться, где кончается Чехов и начинается Войнович.

«Перед судебным следователем стоит маленький, чрезвычайно тощий мужичонко в пестрорядной рубахе и латаных портах.

- Фамилия?

Чонкин вздрогнул и, оторвав взгляд от вороны, перевел его на лейтенанта, который, занеся над бумагой ручку, смотрел на Чонкина выжидающе.

- Чия? — спросил удивленный Чонкин.

- Ваша, — терпеливо объяснил лейтенант и обмакнул ручку в чернила.

- Наша? — еще больше удивился Чонкин.

- Ваша, — повторил лейтенант.

- Чонкины мы, — скромно сказал Иван.

- Через «о» или через «е»?

- Через «чи», — сказал Чонкин.

- Год рождения, образование, национальность, социальное положение?

- Чего? — переспросил Чонкин.

- Родители ваши кто?

- Так ведь люди, — ответил он, не понимая сути вопроса.

- Я понимаю, что не коровы, — повысил голос лейтенант. — Перестаньте валять дурака! <...> Скажи мне, как ты очутился в деревне Красное?

- Как очутился?

- Ну, да!

- В деревне Красное?

- Ну да, да!

- А то ты не знаешь!

- Послушай, братец, не прикидывайся ты мне идиотом, а говори толком. Подойди поближе и отвечай на мои вопросы. Седьмого числа сего июля железнодорожный сторож <...>

застал тебя за отвинчиванием гайки. <...> Вот она, эта гайка. Так ли это было?

- Чаво?

- Так ли все это было, как объясняет Акинфов?

- Знамо, было.

- Хорошо. Ну, а для чего ты отвинчивал гайку?

- Чаво?

- Ты это свое «чаво» брось, а отвечай на вопрос: для чего ты отвинчивал гайку?

- Коли бы не нужна была, так не отвинчивал бы <...>.

Наверное, такого рода «совпадение» текста Войновича с рассказом Чехова входило в художественную задачу автора «Чонкина». В хрестоматийной, казалось бы, ситуации вдруг осознается, что Чонкин скрытым своим неповиновением не просто отвинчивает гайку, — он развинчивает машину государственного насилия! А машина, в свою очередь, готова углядеть в простодушном мужичонке классового врага, «князя Голицына», крупного и хорошо замаскированного шпиона... Врага смертельного.

Вторая книга Владимира Войновича «Претендент на престол» живописует не столько «необыкновенные приключения» Чонкина, сколько галерею прокуроров, следователей, чекистов, советских, партийных работников, — сонм чиновничества районного, областного, всесоюзного масштаба. Плотный «слой вещества», отделившего народ от свободы. Тут автор вольно или невольно должен был опираться на традицию русской социальной сатиры — на Гоголя, на Салтыкова-Щедрина,

на Чехова. Отсюда и возникает необыкновенное родство чеховского злоумышленника с рядовым Чонкиным.

На примере эпизодов из произведений Булгакова (20-е годы), Савенкова и Войновича (60-е годы) можно видеть, как чеховские образы активно используются писателями в достижении задач прямо противоположных. Булгакову, служившему в коммунистической газете «Гудок», чеховская идея «беззащитного существа» помогает утверждать мысль о партийной прессе как силе, помогающей преодолевать рецидивы прошлого в борьбе с унижениями трудящегося человека, помогает бороться с бюрократизмом. Войнович, напротив, соединяя черты чеховского «злоумышленника» с чертами своего солдата Чонкина, утверждает мысль о Чонкине как носителе той неисправимой природы русского человека, которая органически несовместима с советской — и любой властью, попирающей природные права человека...

**Повесть А. Чехова «Дуэль»
и роман А. Недельского «Озонатор»**

До недавних пор казалось, что фашизм — это нечто, целиком присущее дню вчерашнему. Явились признаки того, что творческая интеллигенция, уставшая от беспредела, обратила взоры на насилие как способ решения социальных проблем. Появились произведения, где о фашизме рассуждают как идеологии и практике, способной «очистить» общество. За примером не нужно ходить далеко — достаточно прочитать роман Андрея Недельского «Озонатор» в киевском журнале «Радуга» за 2006 год. Написано это было задолго до событий

на Донбассе, которые можно квалифицировать как подлинный геноцид по этническому признаку. Другими словами, Майдан на Украине вызревал в сознании интеллигенции задолго до того, как на площади стали швырять коктейли Молотова. Герой этой прозы чувствует себя «сверхчеловеком, почти богом», — он помешан на насилии, которое решает в этом мире все. И, как ни странно, его явление якобы предвидел и приветствовал... Антон Павлович Чехов!

Закономерно ли появление такого героя? В чем была и остается главная беда Украины? Общество изверилось, что суды, силовики и вообще правоохранители способны навести в стране порядок. Доблестная и неподкупная милиция (полиция) раздвоилась на милицию (полицию) и «другую милицию (полицию)». Назрел протест против всеобщего коррупционного маразма. Как сей маразм преодолеть? Самое простое и доступное — это своя тайная война.... Купил автомат, списанные толовые шашки — и вперед, народный мститель! В стране масса людей, которые прошли через Афганистан и прочие «горячие точки», они умеют орудовать и «береттой», и «калашом», и гранатометом.

Когда повесть появилась в свет, украинские господа рецензенты старательно обходили содержание главы «Спор», где герой раскрывает свои идейные козыри. Главный пласт в образе Поленова — далеко не пародия на Буратино... И версия «Буратино» подброшена специально потому, что редакция журнала убоялась того пропагандистского эффекта, который несет в себе фашиствующий герой. На Западе (особенно в массовой культуре США) уже прижились супербойцы против

негодяйства всех видов — Супермены, Бэтманы, и прочие Джеймсы Бонды. Они, конечно, нашпигованы всякого рода идеологическими приправами вроде «защиты свободы и демократии». Роман Недельского — заявка на новую украинскую традицию такого персонажа, носящего фамилию Поленов. А кличка его — Озонатор. Это украинский Терминатор. Метла. Чистильщик. Но — весьма своеобразный.

Не случайно постоянно возникают переключки с Родионом Раскольниковым из «Преступления и наказания». Роман как бы спорит с Достоевским, опровергает классика, который доказал неэффективность топора в борьбе за светлое будущее. Более того, роман Недельского спорит с Евангелием, с его идеей «не убий». По словам Поленова, «христианство, любовь к ближнему» — «слова, и больше ничего». «Бред чистейшей воды, бред сивого мерина». Свой тезис он аргументирует примерами из истории христианства. Христианство в его интерпретации становится «самым ранним, самым хитрым и коварным заговором против человечества», который страшнее заговора Аль-Каеды против башен-близнецов в Нью-Йорке. Дескать, в основе христианства лежит идея насилия: надо вспомнить о том, как распяли Христа, как уничтожали младенцев из-за Христа. Апостолы Христа тоже были убийцами: Павел — он ведь поначалу был гонителем христиан. Короче, Поленов «сомневается» в Боге... Хотя — если следовать его логике (христианство есть насилие) — уж он-то должен быть суперхристианином, то есть, насильником в квадрате! Тогда зачем развенчивать христианство? Нелогично... Мария, его очередная подруга, которую он вытаскивает из лап сутенеров, не случайно

названа «Сонечкой Мармеладовой». В главе «Спор» она произносит сакраментальную фразу: «Но если Бога нет, то все позволено!». В ответ начитанный герой-филолог заявляет: «...так сказать мог только тот, кто совершенно не верит в человека, в его внутренние запасы любви и гуманизма». «Но эти внутренние запасы и есть Бог! Бог — это любовь!» — восклицает «Сонечка». В ответ герой приводит пример из мира животных: есть такой электрический скат, у которого источник электричества находится внутри... И не надо никаких подзарядок от розетки, то есть, от Бога... А что касается нашей современности, то в ней всю власть заграбастали хамы. И бороться с этим можно только одним способом — насилием.

Мария справедливо замечает, что такая философия смахивает на фашизм. В ответ филолого-киллер (или киллеро-филолог) соглашается: да, фашизм. Но за фашизмом — будущее... Это может быть и фашизм, и коммунизм, и любая тоталитарна система. Главное, что она избавит мир от «лишних людей»...

Поленов, можете себе представить, отыскивает корни своей идеологии ... в русской классике! «По духовному родству, Гитлера ведь вполне можно назвать продолжателем идей Лермонтова, Гончарова, Тургенева, Чехова — он на практике пытался решить проблему лишних людей». Их надо «выпалывать»... Избавляться от этих тварей, «иначе через пятьдесят лет мы все просто захлебнемся в жлобском дерьме». Он показывает, как русская литература якобы уже сотню лет как воссоздала красочный образ фашиста. **«Дуэль» Чехов читали? <...> Там гениально дан один из первых законченных фашистов**

в мировой литературе. Фон Корен... Это правильный фашист, он внушает уважение и симпатию. И, заметьте, Чехов провидчески сделал его немцем. А какой чудесный образец фашиста представлял из себя поэт революции В. В. Маяковский! А каких чудных, невинно-чистых фашистов описывает Платонов!» (выделено мною — Г. Ш.)

В чем же разница между классическим фашизмом и фашизмом Поленова? Только в одном: «На смену теориям расовой чистоте придут теории просто о чистоте и порядочности, обязательные для всех». Это мысли — не просто экспромт героя. Это его кредо. «Это тема всей моей жизни»... Хорошо бы отыскать в тексте романа какие-то, хотя бы косвенные (ирония, пародия, сатира), опровержения кредо киллера. Увы — нет их в тексте! Вот так, как бы походя, в романе дискредитируется русская литература 19 и 20 веков, которая, по общему признанию, всегда отличалась особым гуманизмом. Особенно «актуально» это звучит в нынешней Украине, где принято порочить все русское. Осмысливая кредо Озонатора, я мысленно рисую себе украинского супермена, в голове которого, к примеру, завелась «теория» о ненужности целого пласта населения, которое засоряет чистоту соловьиной мовы вредоносной москальской лексикой... Творят, выражаясь словами патриотичных публицистов, «лингвоцид». Почему бы не опробовать на них «беретту» или гранатомет — чтобы испытать новый прилив озона?

«Уж не пародия ли он?» — возникает сакраментальный вопрос. Особенно после того, как прочитаешь о роли Чехова в духовном становлении Гитлера. Ведь у Чехова черным

по белому прописано его кредо: против лжи и силы, в чем бы они не выражались. Предполагать, что фон Корен — положительный чеховский персонаж — просто смешно. Это ведь о нем в чеховской повести сказано: «Он идет, идет куда-то, люди его стонут и мрут один за другим <...> Из него вышел бы превосходный, гениальный полководец. Он умел бы топить в реке свою конницу и делать из трупов мосты...» (С., 7, 397).

Беда автора в том, что очень уж опрометчиво он приписал Чехову симпатию к «правильному фашисту» фон Корену... На сей счет есть исследования, в частности, книга Петра Долженкова «Чехов и позитивизм» (Москва, 2003). Мироззрение фон Корена квалифицируется как социал-дарвинизм. Упоминается у Чехова и основоположник учения — Г. Спенсер. Полнее всего Спенсер обнаруживает себя в книге «Социальная статика». Он утверждал, что конкуренция и выживание наиболее приспособленных — вот что нужно для развития общества. Английский философ не стеснялся логических выводов из своей теории, обрекавшей на гибель всех слабых и беспомощных. Нечего заботиться о вдовах, сиротах, больных и бедных. «Если они достаточно жизнеспособны, они живут <...> Если же они недостаточно приспособлены для жизни, они умирают, и это самое лучшее, что они могут сделать».

С социал-дарвинизмом Чехов полемизировал в повести «Дуэль». Критическое отношение к социал-дарвинизму у Чехова очевидно в рассказе «Случай из практики»: здесь говорится о неведомой силе, «которая создала отношения между сильными и слабыми, эту грубую ошибку, которую теперь ничем не исправить. Нужно, чтобы сильный мешал жить

слабому, таков закон природы» (С.,10, 82). В чеховской записи на отдельном листе мы читаем: «Пока человеку нравится плеск щуки, он поэт; когда же он знает, что этот плеск не что иное, как погоня сильного за слабым, он мыслитель; когда же он не понимает, какой смысл в погоне и зачем это нужно равновесие, которое достигается истреблением, он <...> становится глуп и туп, как в детстве...» (С.,17, 198).

Интерес Чехова к учению Спенсера обусловлен, по мнению П. Долженкова, тем, что его герои не могут приспособиться к жизни, часто они слабы и нерешительны... Его герои — это в основном люди, которые, согласно социал-дарвинистским теориям, должны погибнуть едва ли не в первую очередь...Полемика с социал-дарвинизмом — коренная тема чеховской повести. Ее герои Самойленко и дьякон противопоставляют взглядам фон Корена прежде всего нравственные аргументы и христианское учение. Самойленко говорит: «Если людей топить и вешать надо, <...> то к черту твою цивилизацию...» (С.,7, 376). Деспотизм фон Корена виден во всем: он стремится стать над людьми, которые для него пешки, за которых он решает, кому жить, а кому умирать. Социал-дарвинистские идеи фон Корена являются идеологическим прикрытием его ненависти к Лаевскому. Характерна еще одна негативная черта фон Корена: любование собой. «Самосозерцание доставляло ему едва ли не большее удовольствие, чем осмотр фотографий или пистолета в дорогой оправе» (7,367). А что такое, как не самолюбование, детальная фиксация в компьютере подробностей походов самого Поленова и смакование подробностей убийств?

Что нужно сделать, чтобы остановить зло? Это коренной вопрос и русской, и украинской литературы. Им задавался чеховский герой, студент Васильев («Припадок»), которому довелось наблюдать унижение женщин в публичных домах. Размышлял об «апостольстве» — проповеди нравственных начал... Пришел к нервному срыву. Еще одна попытка найти выход из ситуации — в пьесе «Три сестры». Глядя на трех тонко чувствующих, переживающих чужую боль как свою сестер, Вершинин говорит: сегодня таких, как вы, всего три, завтра будет шесть, потом двенадцать... Пройдет двести-триста лет, и какая счастливая жизнь наступит на земле! Генерацию людей, способных переживать чужую боль как свою, Чехов возводит к Иисусу... В том, что когда-нибудь такие люди станут большинством на земле, и есть спасение человечества.

А что думает Тимофей Иванович Поленов? Кстати, если взять первые буквы его имени, отчества и фамилии, мы получим слово «ТИП». Тип «нового человека»? Поленов фактически прямо спорит с Чеховым: он не намерен ждать сто и двести лет. «Меня это не устраивает». Но если бы мировое зло было сконцентрировано только в бытовом хамстве и наглости «чернозадых»! Что делать чистильщику против сил, которые из установок залпового огня превращают в руины целые города? Что он сможет сделать с массовым отравлением природы? С генетически модифицированными продуктами? С тоталитарными сектами? Списки эти бесконечны...

Но беда еще и в том, что герой в борьбе за справедливость эту несправедливость плодит многократно. Он покупает услуги городских чиновников, милиции, спецслужб, таможни, даже

иностранных посольств, — шлейф коррупции, словно пыль, тянется за Чистильщиком на всем его победном пути. В сущности, именно благодаря всеобщей коррумпированности общества и может существовать герой. Он порожден коррупцией — и неумоимо репродуцирует ее.

Готов ли современный человек к тому, чтобы руководствоваться такими учениями, как социал-дарвинизм, — вот вопрос, который ставит Чехов в повести, названной «Дуэлью». Нет, не готов, отвечает писатель. И совершенно напрасно объявлять фон Корена «симпатиком» Чехова. Точно так же и мы не готовы видеть в «правильном фашизме» панацею от всех бед современности. Но зададимся вопросом: может ли в наше время среди массы прохожих на Крещатике ходить человек в такой философией в голове? После публикаций, подобных «Озонатору», наверняка может...И даже ходит... Но все-таки: не пародия ли наш герой с ноутбуком подмышкой и «береттой» в руке? Еще раз внимательно читаю концовку романа — уж тут-то авторская «разоблачительная тенденция» или хотя бы иронический налет на фигуре ТИПа должны проявиться! Увы, нет и намек на пародийность. Он вернулся туда, откуда, собственно, и пришел — на Запад. С кучей денег, с нерастраченным задором против «лишних людей». Некоторые из нехороших американцев — наглые рокеры, к примеру, — с помощью героя тут же оказались в болоте... Украинский супермен начинает спасать Америку... Подумывает поехать в Россию, где для Метлы работы тоже навалом... И никакой иронии.